

Теодор Драйзер

—

СТОИК

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д72

Theodore Dreiser
THE STOIC

Перевод *Григория Крылова*

Оформление серии *Степана Костецкого*

Драйзер, Теодор.

Д72 Стоик / Теодор Драйзер ; [перевод с английского Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-210887-7

Вышедший после смерти Теодора Драйзера, заключительный роман «Трилогии желания» — «Стоик». Финансист-миллионер пенсионного возраста Фрэнк Каупервуд после краха в Чикаго переносит бизнес в Лондон — и по-прежнему добивается успеха, однако у смерти свои планы...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-210887-7

© Крылов Г., перевод на русский язык,
2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА I

Когда Фрэнк Каупервуд после столь долгой борьбы потерпел столь унижительное поражение в Чикаго, не сумев продлить срок действия концессии на пятьдесят лет, перед ним встали две самые мучительные проблемы.

Первой его проблемой был возраст. Он подошел к порогу шестидесятилетия и, хотя внешне казался, как всегда, энергичным, в душе понимал, как нелегко ему будет умножить свое и без того немалое состояние (которое он непременно умножил бы, если бы сумел продлить концессию) с приходом в бизнес более молодых и не менее предприимчивых, чем он, финансистов. А это состояние могло бы составить ни много ни мало пятьдесят миллионов долларов¹.

Вторая проблема по его реалистическому суждению была еще более критической и состояла в том, что он к этому времени так и не обзавелся более или менее ценными социальными связями, иными словами, не занял подобающего ему места в обществе. Конечно, свою роль сыграло его филладельфийское тюремное заключение в молодости, вкупе с его природной любвеобильностью, и его несчастливый брак с Эйлин, которая ничуть не помогла ему подняться

¹ Покупательная способность доллара на рубеже XIX–XX веков была приблизительно в тридцать раз выше нынешней.

по социальной лестнице, и его неколебимый и чуть ли не звериный индивидуализм — все это отпугнуло многих, кто мог бы завязать с ним дружеские отношения.

А Каупервуд был не из тех, кто заводит друзей среди менее сильных, менее изощренных или деятельных, чем он сам. Это слишком сильно пахивало бессмысленным самоунижением и было в лучшем случае, по его мнению, бесполезной тратой времени. С другой стороны, он обнаружил, что сильные, коварные или по-настоящему важные персоны не слишком-то охотно идут в друзья. В особенности здесь, в Чикаго, где со многими из них он соперничал в борьбе за место под солнцем и влияние, они имели склонность объединяться против него, и не потому, что его моральные устои и методы отличались от тех, что они были готовы принять и использовать, а скорее потому, что он, чужак и выскочка, отважился пастись на финансовой поляне, которую они считали своей, добившись большего богатства и влияния, нежели они, за более короткий промежуток времени. Вдобавок к этому он снискал благосклонность жен и дочерей некоторых из тех самых мужчин, что более других завидовали его финансовым успехам, а потому они задались целью подвергнуть его социальному остракизму и немало в этом продвинулись.

В том, что касалось секса, он всегда жаждал личной свободы и ни перед чем не останавливался, чтобы ее получить. В то же время он всю жизнь лелеял мысль о том, что в какой-то момент вполне может встретить на своем пути женщину, настолько превосходящую всех, что он против своей воли будет приведен если не к полной верности — такой вариант для себя он никогда не брал в расчет, — то к искреннему союзу, основанному на взаимопонимании и любви. Он уже восемь лет чувствовал, что такой идеальной девушкой для него была Бернис Флеминг. Она явно не исполнялась благоговейного трепета перед его персоной или

его славой, и его обычные уловки не производили на нее впечатления. И поэтому, а также из-за того, что она очаровала его как эстетически, так и чувственно, у него возникло убеждение в том, что она с ее юностью, красотой, осведомленностью и уверенностью в собственной ценности может добиться положения в обществе и служить естественным социальным фоном для его силы и богатства, разумеется, при условии, что он обретет свободу для женитьбы.

К несчастью, несмотря на всю его решимость в отношении Эйлин, он так и не смог расстаться с ней. С одной стороны, она ни за что не желала отпускать его. А добавление к его нелегкому сражению за рельсовые дороги в Чикаго еще и битвы за свободу превратило бы его жизнь в каторгу. Более того, глядя на Бернис, он не видел в ней необходимой благосклонности. Она не только заглядывалась на мужчин, что были моложе его, чем он, но вдобавок те имели устоявшиеся социальные преимущества, коим никак не способствовала его биография. Осознав это, он впервые ощутил горький вкус любовного поражения и порой долгими часами сидел в одиночестве в своих комнатах, исполнившись убежденности в том, что он безнадежно проиграл в этой борьбе за увеличение своего состояния и за любовь Бернис.

И вдруг она пришла к нему и самым удивительным и неожиданным образом сдалась на его милость, отчего он снова почувствовал себя молодым, а с этим мгновенно вернулось его прежнее деятельное настроение. Он наконец-то уверовал, что заручился любовью женщины, которая действительно может поддержать его в поисках влияния, славы, репутации.

С другой стороны, какими бы откровенными и прямыми ни были ее объяснения — «я подумала, что я вам теперь, вероятно, очень нужна... Я приняла решение», — все же с ее стороны чувствовалась некая обида на жизнь и общество, которые вынудили ее искать отмщения в той или иной его

форме за те жестокости, что, как казалось ей, она претерпела в своей ранней молодости. На самом же деле ее мысль, не понятая Каупервудом потому, что ее неожиданное согласие погрузило его в состояние эйфории, состояла вот в чем: «Ты изгой, и я изгой. Мир изо всех сил старался досадить тебе. В моем случае мир пытался исключить меня из того круга, к которому, как мне кажется, я принадлежу и по своему характеру, и по иным причинам. Ты раздосадован, и я тоже. А потому заключим союз — союз красоты, силы, ума и мужества с обеих сторон, но без какого-либо преобладания одного из нас. Потому что если мы не будем играть по справедливости, то нет ни малейшей надежды, что этот крамольный союз продержится сколь-нибудь долго». Таковы были соображения, двигавшие ею в то время.

И все же как бы тонко Каупервуд ни чувствовал ее силу и хитрость, куда как в меньшей мере он сознавал, какая цепочка умозаключений привела к нему Бернис. К примеру, глядя на нее в тот зимний вечер (такую идеальную и источающую запах цветов, хотя она и пришла к нему с ледяного ветра) он ни за что бы не догадался, что и в интеллектуальном плане она проявила тщание и решительность. Ожидать такого от женщины столь молодой, улыбчивой, веселой и абсолютно обаятельной во всех женских смыслах было просто невозможно. И тем не менее именно такой она и явилась к нему. Она стояла перед ним дерзкая, но в то же время не без скрытой боязни. Увидеть в ней хотя бы малейшие зачатки злого умысла по отношению к нему было невозможно; скорее уж она всем своим видом воплощала любовь, если желание быть с ним и быть частью его на этих условиях до конца его дней можно было назвать любовью. С ним и с его помощью она придет к такой победе, какая только возможна при их чистосердечном и благожелательном сотрудничестве.

И вот в этот первый вечер Каупервуд посмотрел на нее и сказал:

— Но, Беви, мне было бы любопытно узнать, чем вызвано твое такое неожиданное решение. Никак не предполагал, что ты придешь ко мне как раз после того, как я потерпел вторую и очень серьезную неудачу.

Ее спокойные голубые глаза обволокли его, словно теплое пальто или растворяющий эфир.

— Понимаете, я много лет думала и читала о вас. Вот только в прошлое воскресенье в Нью-Йорке я прочла о вас в «Сан» две полных страницы. И благодаря этим страницам я, кажется, поняла вас чуточку лучше.

— Газеты! Правда благодаря газетам?

— И да, и нет. Я не говорю об их критике в ваш адрес, я говорю о тех фактах, — если только они факты, — которые собраны ими воедино. Ведь вы никогда толком не любили свою первую жену, верно?

— Понимаешь, мне казалось, что поначалу я любил ее. Но, конечно же, я был очень молод, когда мы поженились.

— А нынешнюю миссис Каупервуд?

— Ах, Эйлин, да. Было время, я ее очень любил, — признался он. — Она многое сделала для меня когда-то, а я человек благодарный, Беви. К тому же она была очень, очень привлекательна для меня в то время. Но я все еще был молод и не так искушен в умственном плане, как теперь. Но Эйлин ни в чем не виновата. Я совершил ошибку, которая объясняется неопытностью.

— Когда вы так говорите, я чувствую себя лучше, — сказала она. — Вы не так безжалостны, как о вас говорят. И все равно, я намного моложе Эйлин, и я чувствую, что если бы не моя внешность, то мои мысли, вероятно, были бы для вас не слишком важны.

Каупервуд улыбнулся.

— Верно. Я не стану придумывать для себя никаких оправданий — я такой, какой я есть, — сказал он. — Сознательно или бессознательно я пытаюсь следовать моим ко-

рыстным интересам, потому что, по моему разумению, других пастырей у нас нет. Может быть, я ошибаюсь. Но я думаю, большинство из нас ведет себя подобным образом. Возможно, существуют и другие интересы, более важные, чем интересы личности, но личность, благоприйдствуя себе, на самом деле, как правило, благоприйдствует другим.

— По существу я, в общем-то, согласна с такой точкой зрения, — сказала Бернис.

— Главное, что я пытаюсь донести до тебя, — продолжал Каупервуд, ласково улыбаясь ей, — состоит в том, что я не собираюсь преуменьшать или недооценивать те обиды, что я кому-то, возможно, нанес. Боль, кажется мне, непременная спутница жизни и перемен. Я просто хочу, чтобы ты видела меня таким, каким я кажусь себе самому, чтобы ты могла понять меня.

— Спасибо. — Бернис весело рассмеялась. — Но вам не обязательно чувствовать себя так, будто вы даете свидетельские показания в суде.

— Но почти так я себя и чувствую. Но позволь мне объяснить тебе кое-что про Эйлин. Она по природе создана для любви и чувств, но ее интеллект недостаточен — и никогда не был достаточен — для моих нужд. Я ее понимаю досконально, и я ей благодарен за все, что она сделала для меня в Филадельфии. Она меня поддерживала во вред собственному положению в обществе. Поэтому и я поддерживал ее, хотя теперь уже не могу ее любить так, как любил прежде. Она носит мое имя, живет в моем доме. Он считает, что и то и другое принадлежит ей по праву. — Он помолчал, засомневавшись немного в том, что может сказать на это Бернис. — Ты меня, конечно, понимаешь?

— Да, да, — воскликнула Бернис. — Конечно, я вас понимаю. И, пожалуйста, я никоим образом не хочу доставлять ей беспокойств. Я пришла к вам, вовсе не это имея в виду.

— Ты очень щедра, Беви, но несправедлива к себе, — сказал Каупервуд. — Но я хочу, чтобы ты знала, какое огромное значение ты имеешь для всего моего будущего. Может быть, ты этого не понимаешь, но я здесь и теперь признаю это. Не просто же так я добивался тебя в течение восьми лет. Это означает, что ты мне нужна. Очень нужна.

— Я знаю, — тихо сказала она — на нее эти слова произвели сильное впечатление.

— Целых восемь лет, — продолжал он, — у меня был идеал. И этот идеал — ты.

Он помолчал, обуреваемый желанием обнять ее, но, чувствуя, что момент для этого неподходящий, засунул руку в карман жилетки и вытащил оттуда тоненький золотой медальон размером с серебряный доллар, раскрыл его, протянул ей. В медальон была вставлена фотография двенадцатилетней Бернис — худенькой, изящной, высокомерной, сдержанной, холодной — какой она оставалась и по сей день.

Она посмотрела на фотографию и сразу же узнала ее: снимок сделали, когда она с матерью все еще жила в Луисвилле, и та занимала высокое положение в обществе и владела немалыми средствами. Насколько же все изменилось, и как эти перемены отразились на ней! Она смотрела на фотографию, предаваясь приятным воспоминаниям.

— Откуда она у вас? — спросила она наконец.

— Я взял ее из бюро твоей матери в Луисвилле. Как только увидел, так и взял. Она была тогда в другой рамочке — медальон я заказал потом.

Он нежно защелкнул крышечку и вернул медальон в карман.

— С тех пор она всегда со мной, — сказал он.

Бернис улыбнулась.

— Надеюсь, никто об это не знает. Но я же здесь совсем ребенок.

— И все равно, для меня это — идеал. А теперь больше, чем когда бы то ни было. Я, конечно, знал многих женщин. Я имел дело с ними, руководствуясь своими сиюминутными интересами и желаниями. Но при этом у меня всегда имелось определенное представление о том, чего мне хочется на самом деле. Я всегда мечтал о сильной, чувственной, поэтической девочке вроде тебя. Можешь думать обо мне что хочешь, но суди теперь обо мне по моим делам, а не словам. Ты сказала, что пришла, решив, что нужна мне. Да, нужна.

Она коснулась его руки.

— Я решила, — спокойно сказала она. — Лучшее, что я могу сделать со своей жизнью, — это помочь вам. Но мы... я... никто из нас не в силах делать то, что нам нравится. И вы это знаете.

— Абсолютно. Я хочу, чтобы ты была счастлива со мной, а я был счастлив с тобой. И конечно, я не смогу быть счастливым, если что-то будет тебя беспокоить. Здесь, в Чикаго, в особенности сейчас, я должен проявлять крайнюю осторожность. И ты тоже. Поэтому ты должна поскорее вернуться в свой отель. Но завтра наступит новый день, и я надеюсь, ты позвонишь мне часов в одиннадцать. И тогда мы решим, как нам быть. Но подожди минутку. — Он взял ее под руку и повел в свою спальню. Закрыв дверь, он поспешил к красивому кованому сундуку немалого размера, стоящему в углу комнаты. Отперев замок, он поднял крышку и вытащил изнутри три ящичка с коллекцией древнегреческих и финикийских колец. Положив ящики перед ней, он сказал:

— Какое из этих колец ты хочешь носить на пальце, когда я буду приносить тебе обет верности?

Снисходительно и с некоторым свойственным ей безразличием — все обеты приносились ей, она же не приносила обетов никому — Бернис разглядывала кольца, играла

с ними, иногда отпускала какое-нибудь восхищенное словечко при виде понравившегося ей кольца. Наконец она сказала:

— Цирцея, возможно, выбрала бы эту серебряную крученую змею. А Елена, вероятно, это зеленой бронзы колечко с цветами. Афродите, вероятно, понравилась бы эта изогнутая рука и пальцы, держащие камень. Но я не хочу выбирать, руководствуясь только красотой. Себе я возьму это тусклое серебряное кольцо. В нем чувствуется и сила, и красота.

— Как неожиданно и как оригинально! — воскликнул Каупервуд. — Беви, ты неподражаема!

Он нежно поцеловал ее, надевая колечко ей на палец.

ГЛАВА 2

Возрождение веры Каупервуда в неожиданное, а еще лучше — в удачу, — вот самое главное, что сделала для него Бернис, придя к нему во время его поражения. Потому что, по его разумению, она была личностью, своекорыстной, хладнокровной, ироничной, но менее жестокой и более поэтичной, чем он сам. Если ему деньги требовались для того, чтобы высвободить скрытую в них власть и пользоваться ею в свое удовольствие, то Бернис, по всей видимости, требовала себе права проявлять свой решительно изменчивый характер таким образом, чтобы ублажить свою красоту и через это удовлетворить свои идеалы, причем главным образом эстетические. Она желала не столько проявить себя в том или ином виде искусства, сколько жить таким образом, чтобы ее жизнь и ее личность сами по себе стали видом искусства. Она не раз думала: если бы у нее только было большое состояние, огромная власть — как творчески могла бы она ими воспользоваться! Она не стала бы тратить

деньги на великолепные дома, на покупку земли, на пускание пыли в глаза — нет, она бы окружила себя атмосферой, которая непременно должна быть изысканной и, конечно, вдохновляющей.

Но об этом она не говорила никому. Скорее уж это подспудно жило в ее характере, который по большей своей части был для Каупервуда тайной за семью печатями. Он понимал, что она изысканная, чувственная, уклончивая, скрытная, таинственная. И по этим причинам он никогда не уставал наблюдать за ней, как не уставал наблюдать за самой природой: новый день, необычный ветер, меняющийся пейзаж. Каким все это будет завтра? Какой будет Бернис, когда он увидит ее в следующий раз? Откуда он мог знать это? И Бернис, осознававшая в себе эту странность, не могла просветить на этот счет ни его, ни кого-то другого. Она была такой, какой была. Пусть Каупервуд или кто-то другой принимают ее такой, какая она есть.

Ко всему этому он видел в ней и аристократизм. На свой тихий и самоуверенный манер она умела вызывать у всех, кто общался с ней, уважение и внимание. Избежать этого никто не мог. И на Каупервуда, видевшего в этой ее царственной способности то самое качество, которым он всегда, пусть и почти неосознанно, восхищался, которого жаждал в женщине, это производило сильное и приятное впечатление. Она была юна, прекрасна, мудра, уравновешенна — настоящая леди. Он почувствовал это даже на фотографии двенадцатилетней девочки в Луисвилле восемь лет назад.

Но теперь, когда Бернис наконец пришла к нему, одно обстоятельство не давало Каупервуду покоя: его восторженное и в данный момент совершенно искреннее ощущение абсолютной преданности ей, и одной только ей. Неужели он и в самом деле хотел этого? В первом браке, в особенности вкусив прелести появления детей и весьма трезвую обыденность семейной жизни, он понял, что обыч-

ные узы любви и брака его не устраивают. Это было подтверждено и его интрижкой с молодой и красивой Эйлин, жертвенность и преданность которой он потом вознаграждал, женившись на ней. Но эта его женитьба была в равной мере актом справедливости и любви. Но после венчания он стал считать себя абсолютно свободным как в плотской, так и в чувственной сфере.

У него не было ни малейшего желания ни пытаться, ни тем более достичь некоего постоянства. И тем не менее он восемь лет преследовал Бернис. А теперь думал над тем, как честно подать ей себя. Он знал, что она наделена исключительным умом и интуицией. Ложь, способная утешить — пусть даже и не обмануть — среднюю женщину, с Бернис будет совершенно бесполезна.

Хуже того, в настоящее время в германском Дрездене жила некая Арлетт Уэйн. Всего год назад он завязал с ней роман. Арлетт, которая прежде была заточена в каком-то захудалом городишке в Айове и жаждала избавиться от судьбы, грозившей задушить ее талант, написала Каупервуду письмо и вложила в конверт свою соблазнительную фотографию. Однако, не получив ответа, она взяла в долг денег и собственной персоной появилась перед ним в его чикагском офисе. То, чего не смогла сделать фотография, вполне удалось самой Арлетт во плоти, потому что она была не только дерзкой и самоуверенной, но имела характер из тех, что вызывали симпатию у Каупервуда. К тому же преследовала она не чисто коммерческие цели. Ее искренне интересовала музыка, и к тому же она обладала прекрасным голосом. Убедившись в этом, он загорелся желанием помочь ей. Она привезла с собой убедительное свидетельство своего происхождения: фотографию маленького домика, в котором жили она и ее вдовствующая мать, работающая продавщицей в магазине. Кроме того, она рассказала довольно трогательную историю борьбы ее матери за то,